

ГЛАВА 1

Четверг

— Ты меня любишь?

Глаза Стасова, зеленые и озорные, окруженные сетью заметных морщин, смотрели на нее вопросительно и с каким-то явным подвохом. Но подвоха Анастасия Каменская не заметила, потому что при появлении шефа так и не оторвала взгляд от экрана компьютера, набивая текст очередного документа.

— Я тебя обожаю, — скучно ответила она. — Но бумага от моей страстной любви быстрее не напишется. Ты сам сказал, что заказчик явится к двенадцати и к этому времени полный отчет должен быть готов. Если тебе так важна моя любовь...

Она сняла руки с клавиатуры, поискала в папке какой-то документ, уточнила информацию и с досадой поняла, что дважды ошиблась, указывая адреса, — вписала неправильный номер дома. Теперь придется тратить время на то, чтобы во всем отчете перепроверять ошибки. А ведь она была уверена, что запомнила все в точности. Привыкла полагаться на свою безупречную память, но ведь возраст... Черт!

— Если тебе так важна моя любовь, — со вздохом продолжила Настя, — ты бы попросил там, наверху,

чтобы распорядились напихать в час не по шестьдесят минут, а по сто двадцать. Короче, Стасов, давай что-нибудь одно: или про любовь, или отчет к двенадцати.

— Забей.

— На любовь?

— На отчет.

Вот это уже неожиданно!

— И почему?

Настя оторвала наконец взгляд от экрана и внимательно посмотрела на Владислава Николаевича. Что случилось? Заказчик отказался от их услуг и не собирается получать отчет о полностью проделанной работе, которую их частное агентство «Власта» честно выполняло в течение без малого двух месяцев? Или случились какие-то крупные неприятности, в сравнении с которыми конфликт с заказчиком покажется комариным укусом? Но в этом случае Стасов не выглядел бы таким веселым...

— Заказчик придет к пяти, я с ним договорился. А теперь еще раз ответь, только громко и внятно, любишь ли ты меня, мою жену Таню и нашего сына Гришу.

Она улыбнулась.

— Отвечаю громко и внятно: я вас обожаю.

— И готова ради нас на жертвы?

— Готова, — без раздумий ответила Настя и тут же прикусила язык.

Жертвы? О чем это он?

— Настюха, а в отпуск хочешь?

Какой отпуск? Она же только недавно вернулась на работу, отгуляв положенные четыре с хвостиком недели. Правда, отпуском назвать этот месяц можно было весьма условно: они с Чистяковым смогли наконец купить квартиру, и четыре недели оказались полностью посвящены приведению ее в вид, пригодный для про-

живания. И Настя, и Алексей изначально были категорическими противниками любых кредитов, в том числе и ипотечных, поэтому добросовестно годами копили деньги на новое жилье. Алексей мотался по городам и весям, читая курсы лекций то по два-три месяца, а то и по полгода, Анастасия хваталась за любые переводы, над которыми просиживала каждую свободную от работы минуту, и вот наконец желанная цель оказалась достигнутой: трехкомнатная квартира, «вторичка», в которой после многочисленных предыдущих жильцов нужно было сделать хотя бы косметический ремонт. В течение последних десяти лет хозяева эту квартиру сдавали, и квартиранты привели ее в состояние почти полной разрухи. Накопленных денег хватало как раз на покупку и самый недорогой ремонт, более приличное жилье они бы с имеющимися финансовыми ресурсами не потянули, а ждать еще несколько лет и снова копить уже не было сил. Их крошечная однокомнатная квартирка буквально задыхалась от бесчисленных книг и папок, которые давно уже складывались стопками на полу, потому что на полках место закончилось еще в прошлом веке.

Квартиру купили, оформили отпуска и провели месяц в попытках облагородить будущее жилье, при этом считали и экономили каждую копейку, но копейки эти почему-то исчезали с космической скоростью, а чистоты, порядка и удобства почти не прибавлялось. Солидные фирмы не брались за «бюджетный» ремонт, им нужен размах, финансовые вливания, строительство и отделка загородных домов, одним словом, масштаб, при котором можно побольше заработать и еще больше — просто украсть, а скромный косметический ремонт в городской квартире ни у кого интереса не вызывал. Выслушав пару десятков вежливо-брезгливых отказов,

Настя и Алексей принялись сами искать рабочих и мастеров, но быстро выяснилось, что иметь дело со случайными людьми чревато нервотрепкой и скандалами, а также потерей денег и все того же времени. Проведя месяц в ремонтном развале с ежесекундной тратой нервных клеток, Настя радостно вернулась на работу. Надежду уложить с ремонтом и переездом в один месяц пришлось похоронить, и было решено, что она потихонечку, не спеша, вдумчиво и серьезно будет искать бригаду нормальных мастеров, а Леша примет предложение поработать в Новосибирске над одним очень перспективным проектом, под который выделили солидный грант. На мебель, конечно, не хватит, да и на полный ремонт тоже, но хотя бы на половину... «Будем двигаться поэтапно, — сказал Чистяков. — Куда нам спешить? Мы с тобой тридцать лет прожили в «однушке», еще годик протянем, зато сделаем все по уму и потом будем коротать старость в человеческих условиях».

И вот теперь Стасов спрашивает, не хочет ли она в отпуск...

— Не хочу, — осторожно ответила она. — Я уже отгуляла, ты забыл?

— А вот я хочу, — со вздохом проинформировал ее Владислав Николаевич. — И не в абы какой отпуск, а в настоящий, семейный, с женой и сыном.

Она пожала плечами:

— Ну так поезжай, кто мешает-то? Ты шеф, хозяин, тебе никто не указ. Или ты хочешь меня посадить в свое кресло на это время? Ты эту жертву имел в виду?

— С ума сошла? — возмутился Стасов. — Из тебя начальник как из меня лилипут. Вместо меня Доценко по-руководит.

— А что тогда? Владик, заканчивай тянуть из меня жилы, говори уже.

Он как-то странно завздыхал, перестал нависать над Настей и отвернулся к окну.

— Отпусти Таню.

От изумления Настя даже не нашла что ответить.

— Куда отпустить? — глупо спросила она.

— Со мной. Во Францию. По замкам Луары.

— А я-то при чем?

— Ты можешь ее заменить.

Татьяна помимо собственно писательской деятельности периодически проводила семинары с молодыми (впрочем, иногда и с не очень молодыми) авторами, вознамерившимися сделать карьеру на ниве создания детективов и желавшими хотя бы в первом приближении узнать, как устроена правоохранительная система, чтобы не наделать совсем уж грубых ошибок. Имея за плечами многолетний опыт работы следователем, Татьяна могла помочь будущим Конан Дойлам избежать очевидных косяков, которые приводят в бешенство читателей, более или менее знакомых с устройством и функционированием органов правопорядка. Подобные ошибки могут испортить впечатление даже от очень хорошо написанной книги с крепко закрученным сюжетом и яркими характерами.

Гриша Стасов вырос разумным и целеустремленным парнем, изучал политологию в Сорбонне, там же, в Париже, познакомился с девушкой, родители которой предложили устроить большой семейный выезд по замкам Луары, обещая показать и рассказать много интересного и познавательного, такого, чего не расскажут обычные платные экскурсоводы. Предложение поступило неожиданно, и нужно было торопиться с ответом, ибо по каким-то понятным только приглашающей стороне причинам сделать поездку поистине незабываемой можно лишь в том случае, если осуще-

ствить ее в течение ближайшего месяца. А Татьяна Образцова так давно мечтала посмотреть эти самые замки Луары... И они так давно никуда не ездили втроем...

Засада, однако, в том, что Татьяна, никак не ожидавшая подобного приглашения, заранее договорилась о проведении цикла индивидуальных занятий с молодым журналистом, решившим написать большой роман, основываясь на материалах реального уголовного дела. Журналист специально приедет из другого города, и отменить мероприятие, перенести его на другое время, Тане неудобно.

— Он ведь тоже отпуск взял специально под это дело, — сокрушался Стасов, — и жилье снял в Москве, проплатил аренду. У Танюшки окаянства не хватит бортануть его. Если ты не согласишься, она вообще никуда не поедет. Опять же денежек зарабатываешь, лишними не будут. Зарплата за весь месяц, плюс гонорар, который Таня обычно берет за семинары, плюс можешь набрать переводов, времени у тебя будет вагон, пару часиков в день позанимаешься с этим Сименоном домоощенным — и свободна, как птица в полете!

— Стасов, по-моему, ты придумал какую-то глупость, — сердито ответила Настя. — Как я могу заметить Таню? Ну ты сам подумай! Таня — писатель, мастер, профессионал. А я кто? Чему я могу научить этого мальчика?

— Да не надо учить его сочинять детективы. Ему нужно научиться читать уголовное дело. А тут у вас с Таней уровень знаний одинаковый, у тебя даже и побольше, потому что Таня уже больше десяти лет в отставке, а ты только восемь, ты служила дольше. Ну? Настюха, ну выручи друзей, а?

Теперь зеленые глаза Владислава Николаевича смотрели не весело, как в самом начале, а умоляюще.

Насте стало неловко. Отказывать старому другу не хотелось, она искренне любила и его, и Таню, знала обоих лет двадцать и была к ним глубоко привязана. Но и ввязываться в авантюру не хотелось тоже. А чем же еще, как не авантюрой чистой воды, стала бы попытка заняться на склоне лет тем, чему ее не учили и чего она отродясь не делала? Причем заняться не в виде хобби, затаившись в темном уголке и никому не показывая результатов своей неумелой деятельности, а открыто, у всех на виду и за деньги, позиционируя себя крутым профессионалом. Нет, нет и нет. Ей уже пятьдесят восемь, не девочка, чай, подобные эксперименты ей не к лицу.

— Алэ чому самэ я? — неожиданно вырвалось у нее. Стасов нахмурился, посмотрел недоумевающе.

— Что?

Настя рассмеялась.

— Извини, Владик, просто в голову вдруг пришло. Помнишь фильм «Мертвый сезон»?

— Конечно, это же мое детство. И что?

— Вот и мое тоже. Я его знала практически наизусть. Мы с родителями как-то отдыхали в Крыму, и там по телевизору шел этот фильм, дублированный на украинский язык. Ты же знаешь, я к языкам всегда питала слабость, и вот я сидела перед экраном, вспоминала реплики на русском и слушала, как они звучат по-украински, типа язык осваивала. Там в самом начале, когда героя Ролана Быкова вербуют в разведчики, он спрашивает: «Но почему именно я?» Помнишь?

— Ну да.

— Вот эту фразу я тебе и сказала. Так почему, Стасов? Неужели во всей Москве нет других людей, которые могут объяснить мальчику, что означает тот или иной документ в уголовном деле? Ни за что не поверю.

Стасов посмотрел на нее с жалостью, и Настя почувствовала себя недоумком.

— Во-первых, я хочу дать заработать именно тебе, а не чужому дяде. Во-вторых, Таня доверяет тоже именно тебе, а не кому-то из своих бывших коллег. И в-третьих, если оставить за рамками обсуждения вопрос доверия, у тебя есть какой-никакой опыт. Ты и занятия в Высшей школе проводила, и Павлика Дюжина натаскивала, я же помню.

— Когда это было! — Настя махнула рукой. — Пропылый век. И потом, Павлика я учила оперативно-разыскной премудрости, а это совсем не то же самое, что преподавать уголовный процесс, да еще неподготовленному человеку, не имеющему минимального фундамента правового мышления. Даже сравнивать нечего!

В течение следующих десяти минут Владислав Николаевич, не жалея красок, расписывал Насте ее же достоинства, объясняя, почему с поставленной задачей лучше всех справится оперативник с многолетним стажем, светлой головой и уймой терпения.

— Давай я позвоню Тане, она подъедет, мы вместе сходим пообедать, и она тебе все объяснит, — наконец сказал он, видя, что все попытки пробить брешь в стене отказа ни к чему не приводят.

— Давай, — вяло согласилась Настя.

Она не собиралась сдаваться, но пользоваться аргументом «у меня не получится» почему-то стеснялась, и ей казалось, что если правильно построить разговор с Татьяной, то она сама откажется от своей идеи, поймет, что Настя для такой работы не годится.

Оставшись одна в кабинете, она немедленно позвонила мужу. Лешка — самый главный ее советчик. И самый лучший.

— Не понял, что тебя смущает? — произнес Чистяков, выслушав краткий пересказ диалога со Стасовым. — Работа по твоему профилю, с использованием твоих профессиональных знаний. Ты чего-то недоговариваешь?

— Да нет же, Лешик, просто... Я никогда не выступала в роли учителя. Я не умею объяснять на пальцах, коротко и понятно, для неподготовленных. Для этого нужно иметь особый талант, а у меня его нет. У Тани есть, а у меня нет, вот и все.

— А у Тани точно есть? — зачем-то спросил Алексей.

— Ну... Наверное, есть, коль она свои семинары ведет и деньги за это получает. Если бы она плохо обучала, у нее не было бы новых учеников, сейчас ведь эпоха интернета, информация мгновенно расходуется.

— Это всего лишь твое предположение. Ты сама проверяла?

— Леш, я не пойму, к чему ты клонишь, — сердито отозвалась Настя.

— Но ты согласна, что любое предположение нуждается в проверке? Любая гипотеза, любая версия. Это же основа твоей профессии, разве нет?

— Да, — согласилась она.

— Вот и проверь.

— Проверить — что? Есть ли у Тани педагогический талант?

— Проверь, есть ли он у тебя. Неужели не интересно?

Настя улыbnулась и пожалела, что муж сейчас не видит ее. Наверное, его порадовала бы ее непроизвольная улыбка.

— Интересно. Но стрёмно. А вдруг облажаюсь?

— И что? Мир рухнет? Мало ли кто какие ошибки совершает.

— Но я уже в таком возрасте, когда облажаться стыдно, — неуверенно заметила она.

В трубке послышался смешок, и Настя попыталась представить себе мужа, сидящего в кабинете за письменным столом. Зная его привычки, она была уверена, что в этот момент он крутанулся в своем шикарном «кресле руководителя».

— Асенька, помнишь, несколько лет назад ты смотрела запись «Риголетто» с Пласидо Доминго. Я в опере ничего не понимаю, а ты мне все уши прожужжала о том, какая неудачная затея и как плохо спел Доминго.

— Да, помню. Доминго — тенор, взялся исполнить партию баритона и не справился, спел очень плохо, хотя драматически сыграл вполне достойно.

— Но насколько я помню, ты всегда любила этого вокалиста.

— Любила и до сих пор люблю. Просто одну партию он исполнил неудачно. И...

Она запнулась. Да, Лешка прав, впрочем, как всегда. Если уж сам Доминго, звезда мировой величины, не побоялся попробовать себя в новом амплуа, выставив последствия своего опрометчивого шага перед всей мировой общественностью, то что говорить о никому не известной и никому не нужной Анастасии Каменской? Доминго ничего не потерял в глазах своих поклонников, не утратил их любви, не стал хуже оттого, что облажался. Даже напротив, приобрел известную долю восхищения своей смелостью. Откуда в голове появляется убеждение, что взяться за что-то и не справиться — стыдно? Это же полная глупость! Уверять окружающих, что ты легко справишься, хотя на самом деле никогда не пробовал, и потом облажаться и тем самым подвести людей, которые в тебя поверили и на тебя понадеялись, — это да, стыдно. Но что может быть

стыдного, если честно предупреждаешь всех, что ты не умешь, что это твой первый опыт и ты не гарантируешь результат? Ровным счетом ничего.

— Какой же ты умный, Лешка, — благодарно выдохнула она.

Решено. К двум часам приедет Таня, они пойдут в расположенное в соседнем доме кафе обедать, Настя подробнейшим образом выспросит, что от нее требуется и как это нужно делать, и поставит неременное условие: если процесс обучения журналиста тонкостям уголовного процесса застопорится или окончательно провалится, она просто не возьмет гонорар. Вот и все. Ничего сложного и ничего постыдного.

* * *

«Проблемы с парковкой — путь к здоровому образу жизни», — насмешливо думала Анастасия Каменская, проезжая мимо очередного магазина, в котором могла бы купить продукты, если бы можно было приткнуть машину где-нибудь поблизости. Машину придется поставить во дворе дома, где парковочные места распределены между жильцами, а въезд предусмотрительно перекрыт шлагбаумом для охраны от чужаков, после чего шлепать в магазин пешком. Имелся и другой вариант: делать закупки раз в неделю в больших торговых центрах с огромными многоэтажными паркингами, но Насте было безумно жаль тратить на это драгоценные часы выходного дня. Ничего, ходить пешком полезно.

Уже начало сентября, а лето словно в самом разгаре, радуется и буйствует, посмеиваясь над загулявшей где-то осенью. Если вдуматься, ситуация не так уж и плоха: через три дня Стасов и Татьяна уедут, на работу в кон-

тору ходить не нужно, погода прекрасная, подработка в виде переводов каких-то мутных договоров обеспечена (скучно невыносимо, зато объем огромный и платят неплохо). Правда, на следующей неделе придет будущая звезда детективного жанра, но после сегодняшнего разговора с Татьяной картина представлялась Насте уже не столь пугающей.

— У него есть какой-то древний материал, в котором нужно помочь разобраться, — сказала Татьяна. — Самое главное — не давать ему возможности следовать журналистским инстинктам. Хочет стать писателем — пусть работает именно как писатель, а не как журналист.

— А есть разница? — удивилась Настя.

— Огромная. Журналист будет пытаться докопаться до правды, чтобы написать убойный материал. Писателю правда не нужна, он создает собственную реальность. Но поскольку это все-таки тоже реальность, она должна основываться на реалиях, а не на выдумках. Твоя задача — объяснить парню, как устроена система и как она работает, что бывает и чего не бывает, что можно, а чего нельзя. В чем разница между следователем и опером, между допросом и опросом, между экспертизой и исследованием. А любимые вопросы русской интеллигенции «кто виноват?» и «что делать?» надо оставлять за бортом и категорически пресекать любые попытки перевести процесс консультирования в журналистское расследование. Идея понятна?

— Вполне, — с облегчением ответила Настя. — А что за материал у него, не знаешь?

— Какое-то старое дело о тройном убийстве. Я так поняла, что кому-то удалось получить доступ в архив и перефотографировать дело.

— Зачем?

Татьяна пожала плечами.

— Да понятия не имею! Я специально не задавала ему лишних вопросов, чтобы не порождать иллюзию, будто истинные обстоятельства имеют какое-то значение. Не имеют. И ты должна стоять на этом, как на охране государственной границы.

— Танюша, а зачем он вообще придет? Разве все вот эти консультации нельзя было проводить по скайпу, в вайбере, в ватсапе или еще как-то? Для чего все эти сложности: отпуск, поездка в Москву, съемная квартира? Мне казалось, так уже никто не поступает.

Татьяна расхохоталась.

— Я предложила ему этот вариант, но он сказал, что предпочитает обучаться очно. Бред, конечно, но подозреваю, что дело не в этом. Он вцепился в свой материал и боится выпустить его из рук, а если работать дистанционно, то ему придется прислать свою драгоценную добычу мне, и мало ли, кому еще я ее покажу или вообще отдам. Два варианта. Первый: парень действительно собирается написать крутой детектив, а в деле есть какой-то очень красивый сюжетный поворот, который он хочет использовать в собственной нетленке, и он боится, что при преждевременной огласке идею банально сопрут, что случается сплошь и рядом. И второй: мальчишечка привирает насчет будущего писательства, он все-таки намеревается провести журналистское расследование, и в этом деле мы ему никак не помощники. Тут все должно пресекаться на корню. Никакого героизма. В наше время героем имеет право становиться только одиночка, по которому никто не заплачет, а не мы с тобой, пенсионерки с семьями. Подставлять под удар себя — еще куда ни шло, но своих близких — ни в коем случае.

В такой постановке задача казалась Насте вполне выполнимой, и теперь, возвращаясь домой, она уже

не совсем отчетливо понимала, чего так испугалась и почему столь яростно отказывалась от предложения Стасова. В конце концов, не боги горшки обжигают. Правда, оставалось еще одно, последнее, сомнение: согласится ли будущий ученик на замену учителя? Все-таки он просил о консультациях именно Татьяну, известного писателя, и именно ей готов был платить за потраченное время, а вовсе не какой-то там Анастасии Каменской. Но Таня заверила ее, что все в порядке, она предварительно поговорила с Петром (молодого журналиста из Тюмени, как выяснилось, зовут Петром Кравченко), объяснила ему ситуацию и встретила полное понимание с его стороны.

Вот и хорошо.

Дома Настя быстро обозрела содержимое холодильника и мысленно составила перечень необходимых покупок, старательно подавляя соблазн составить список на листке бумаги. Со списком, само собой, удобнее и надежнее, но память нужно поддерживать в рабочем состоянии. Воспоминание о допущенной сегодня ошибке с адресами отозвалось неприятной резью в душе. Анастасия Каменская никогда не была ипохондриком, не боялась заболеть, не подозревала наличия у себя страшных и неизлечимых недугов, но страх перед возможным возрастным ослаблением интеллекта и памяти с недавних пор поселился в ней и быстро пустил ветвистые корни.

Когда поздно вечером с работы приехал Чистяков, купленные продукты были оформлены в виде незамысловатого, но приготовленного с любовью ужина, неиспользованные остатки вместе с припасами на ближайшие дни аккуратно разложены по полкам и ящикам холодильника и кухонных шкафов, а сама Настя, босая и растрепанная, сосредоточенно пере-

кладывала и передвигала по полу стопки книг и папок, расчищая пространство.

— Нужно же куда-нибудь посадить ребенка с его ноутбуком, — пояснила она мужу. — Господи, как мы с тобой жили столько лет в такой тесноте?

— Отлично мы жили, — улыбнулся Алексей. — В тебе проросли барские замашки?

Он ловко пристроил в шкаф снятый костюм с сорочкой и переоделся в шорты и футболку. Настя невольно залюбовалась его широкими плечами и длинными сухими ногами. «Какой же Лешка красивый!» — подумала она.

— И когда прибудет этот твой ребенок? — спросил он, поглощая ужин.

— На следующей неделе, в среду.

— О! И как раз в среду я улечу в Новосибирск. «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», — продекламировал он. — Живешь строго по Пушкину, Асенька. Велик ли ребенок?

— Не знаю. Таня сказала, что вроде бы ему двадцать с каким-то хвостом.

— Длина хвоста имеет значение, — усмехнулся Алексей. — Двадцать один и двадцать девять — разница существенная. Я, если помнишь, в двадцать один год был еще сопливым студентом, ну разве что подававшим некоторые надежды, а в двадцать девять уже выпивал на банкете по случаю присуждения мне ученой степени доктора наук.

Он поставил опустевшую тарелку в раковину.

— Спасибо, Асенька, было очень вкусно. И перестань так нервничать, хорошо? Если уж ты худо-бедно готовить научилась, то с ребенком из Тюмени как-нибудь справишься.

Она изумленно посмотрела на мужа.

— Разве я нервничаю?

— На первый взгляд — нет. Но скажи мне, любимая, какая такая неведомая сила могла заставить тебя, с твоей больной спиной, десятки раз наклоняться и поднимать тяжести? Только нервозность. Готовься, завтра будешь лежать пластом.

Леша посмотрел на ее ошарашенное лицо и рассмеялся.

— Я, конечно, и пожалею, и кофейку в постель принесу, и даже диклофенак тебе в попу вколю, так уж и быть, но все-таки разум-то сохраняй, ладно? У тебя в семье мужик есть, если ты забыла.

Да, Лешка прав. Почему-то он всегда и во всем прав. А она — дурочка. Надо же было такое удумать: стопки книг и папок тягать! Похоже, она действительно нервничает, сама того не замечая. Если спина вздумает жестоко отомстить за совершённую глупость, то пусть месть по длительности ограничится одним-двумя днями, ну пожалуйста! Хороша выйдет картинка, когда в среду явится гость из Тюмени Петр Кравченко, а Настя будет общаться с ним, лежа на доске. Зачем нужно было заниматься расчисткой пространства непременно сегодня? Завтра пятница, впереди два выходных дня, можно было все потихонечку сделать с Лешкиной помощью, до среды еще уйма времени... «Я глупею прямо на глазах, — с ужасом подумала Настя. — Неужели мои страхи оправдываются?»

ГЛАВА 2

Среда

Петр Кравченко оказался молодым человеком двадцати пяти лет, довольно рослым, полноватым, с ранними глубокими залысинами и редеющими вьющимися волосами. Симпатичным, но вполне обычно-